

И. Я. БЕРГМАН

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1899 ГОДА И ЛАТЫШСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Столетие со дня рождения А. С. Пушкина отмечалось в Латвии в сложных общественно-политических условиях. В 1897 году было разгромлено «Новое течение» — прогрессивное движение революционно настроенной латышской интеллигенции, сыгравшее огромную роль не только в политической жизни Латвии, но и в развитии латышской литературы, в частности, значительно активизировавшее литературно-критическую мысль. Многие новотеченцы, среди которых были видные поэты, литераторы, критики, публицисты, были арестованы и затем высланы за пределы края. Те, кому удалось избежать ареста, вынуждены были эмигрировать за границу. Разгром «Нового течения» существенно повлиял на снижение активности латышской литературной критики¹, затруднив участие прогрессивных сил в культурной жизни Латвии на рубеже XIX и XX веков. На общее обострение обстановки повлияло также и то, что, несмотря на расправу царского правительства над революционной интеллигенцией, в Латвии все более ширилось движение латышского пролетариата. Конец 1890-х годов ознаменовался двумя прогремевшими на всю Россию выступлениями латышских рабочих в городах Лиепая и Риге.

Драматические события майских массовых выступлений рабочих двух самых крупных промышленных городов Латвии непосредственно предшествовали празднованию пушкинского юбилея. Это обстоятельство не могло не сказаться на юбилейных торжествах, которые в Латвии, как впрочем и в России в целом, приняли в основном официальный характер. Не исключено, что местные власти решили использовать юбилейные празднества для того, чтобы отвлечь внимание широкой общественности от возраставшей классовой борьбы.

¹ Latvianu literatūras kritika. Rīga, 1956., I sēj., 259 lpp.

В середине мая в Риге весьма поспешно была создана праздничная комиссия во главе с лифляндским вице-губернатором. Деятельность комиссии предполагалось широко освещать в прессе: с этой целью на ее первое заседание, на котором обсуждался вопрос устройства праздника, были приглашены представители многочисленных латышских обществ и прессы.²

Комиссия разработала широкую программу, которая предусматривала проведение торжественного акта в «Улье», дневного представления для воспитанников рижских школ и вечернего концерта в городском театре, детского праздника в Верманском парке. Программа праздничных представлений была заранее тщательно разработана и опубликована в печати. Она включала чтение докладов, театральные постановки, исполнение музыкальных сочинений, написанных на сюжеты произведений Пушкина, возложение венков к бюсту поэта, декламацию стихотворений, живые картины, игры. Были изготовлены специальные жетоны: для организаторов праздника и для продажи.

Для участия в городских праздничных мероприятиях были приглашены делегаты местных латышских обществ. Судя по отзывам печати, в официальных праздничных мероприятиях приняли участие делегаты 19-ти обществ.³ Следует отметить любопытную подробность: делегатам, среди которых были люди различных национальностей — латыши, эстонцы, немцы и т. д., разрешалось выступать на своем родном языке.

Юбилейные торжества подробно освещались как местной русской, так и латышской прессой, которая писала, что праздничные мероприятия привлекли огромное количество людей: «...все помещения, где проходили торжества, были переполнены».⁵

На 100-летие А. С. Пушкина широко откликнулись консервативные и либерально-буржуазные круги латышской общечности. Напуганные массовыми выступлениями рабочих, они поспешили использовать праздник русской культуры для выражения своих верноподданических чувств.⁶ В своей юбилей-

² Dienas Lapa, 1899, 19. maijā, Nr. 110; Baltijas Vēstnesis, 1899, 18. maijā, Nr. 119; 19. maijā, Nr. 120.

³ Puškina svetki — Dienas Lapa, 1899, 28. maijā, Nr. 116.

⁴ Puškina svetkos — Dienas Lapa, 1899, 29. maijā, Nr. 117.

⁵ Puškina svetkos — Dienas Lapa, 1899, 28. maijā, Nr. 116.

⁶ Puškina jubileja. — Latviešu Avīzes, 1899, 26. maijā, Nr. 21. Runa A S Puškina simtgades piemiņas svetkos. — Austrums, 1899, Nr. 6 u. c.

ной речи на собрании в Рижском латышском обществе, являвшемся в тот период оплотом национальной буржуазии Латвии, священник Виллис Олавс-Плуте, известный в то время буржуазный публицист, занимавший в 1899 году пост председателя научной комиссии общества, в ответ на вопрос: «Почему мы, латыши, отмечаем вместе с русскими память русского поэта Пушкина?», заявил: «Мы не должны забывать две вещи, а именно: кем является Пушкин для русских и кем являются русские для нас. Пушкин — первый истинно русский поэт. Мы с русскими идем одной дорогой вот уже более 100 лет. А путешникам следует делить радости и беды пополам...».⁷

Естественно, что в своих многочисленных юбилейных речах, статьях, выступлениях и заметках буржуазные публицисты ориентировались прежде всего на официально признанного Пушкина, фальсифицированный образ которого усиленно создавался правящими кругами России в последние десятилетия XIX века, и в особенности в период юбилея 1899 года, проходившего в России по указанию и поддержке властей.⁸

На страницах буржуазной печати Латвии Пушкин представлялся главным образом как сторонник пресловутой «официальной народности», к концу жизни изменивший своим юношеским идеалам, примирившийся с царем. Вот что, например, писал о Пушкине 30-х годов анонимный корреспондент газеты «Тевия», кратко излагая в своей статье основные вехи жизненного пути поэта и одновременно весьма многозначительно намекая на события, предшествовавшие юбилею: «Бывший радикал преобразился, уверовав в величие русского народа и его непреодолимое могущество и значение: в нем проснулась идея русского патриота. Он убедился, что русский народ способен подавить любое сопротивление, независимо от того, откуда оно исходит <...> Русской народной идее суждено победить. К этому выводу его привели события 1825 года, его договор с царем и, наконец, подавление польского бунта 1831 года».⁹

Но было бы крайне ошибочным утверждать, что столетний юбилей великого русского поэта принял в Латвии всецело официальный характер. Нельзя не учитывать того, что Пушкин принадлежал, как и по сей день принадлежит, к числу наибо-

⁷ Austrumis, 1899, Nr. 6.

⁸ См.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 87—88; Г о р о д е ц к и й Б. П. Проблема Пушкина в 1880—1900 гг. — Учен. зап. Ленинг. гос. пед. ин-та им. М. Покровского, 1940, т. 4, с. 76—91.

⁹ W i. Aleksandrs Puškina. — Tēvija, 1899, 26. maija, Nr. 21; 2. jūnija, Nr. 22.

лее любимых и искренне почитаемых латышским читателем иноязычных поэтов. Переводы его произведений сопровождали становление и формирование латышской национальной литературы уже с середины XIX века.

К творчеству Пушкина обращались почти все видные латышские поэты и писатели конца XIX — начала XX века; Я. Райнис, Ю. Алунан, Матис Каудзите, В. Плудонис, Р. Блауманис, Кажоку Давис, А. Ниедра, Я. Пурапуке, Е. Эсенбергию, Е. Яншесвский, К. Круза и другие. Следует упомянуть и такого профессионального переводчика, как Ф. Адамович. Пушкинские произведения в их переводах охотно публиковались на страницах широко распространенных в Латвии календарей, многочисленных газет и журналов, благодаря чему становились доступны широким кругам населения.

В особенности весомый вклад в дело приобщения латышского массового читателя к поэзии Пушкина в XIX веке внесли 80-е и 90-е годы — период наиболее активного освоения достижений русской и западноевропейской литератур в Латвии. К концу 1890-х годов уже были переведены и стали известны латышской публике стихотворения Пушкина «Талисман», «Телега жизни», «Зимняя дорога», «Демон», «Зимний вечер», «Я вас любил», «Бсы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «В крови горит огонь желанья», «Если жизнь тебя обманет», «Жених», «Дар напрасный, дар случайный», «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), «Туча», «Певец», «Эхо», «Будрыс и его сыновья», «Десятая заповедь», «Романс», «Мне вас не жаль, года моей весны»; поэмы «Кавказский пленник», «Цыганы», «Полтава»; «Сказка о царс Салтане» и «Сказка о золотом петушке»; из драматических произведений — «Русалка», фрагмент из трагедии «Скупой рыцарь»; из прозы — «Повести Белкина», «Кирджали», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Дубровский» и другие произведения.¹⁰ Сравнительно широкий общественный резонанс в Латвии получило стккрытие памятника Пушкину в Москве в 1880-м году и 50-летие со дня смерти поэта, отмечавшееся в 1887 году.¹¹ Таким образом, к 1899 году стало общепризнанным, что творчество Пушкина прочно вошло в духовную жизнь латышского народа.

¹⁰ См. библиографию, составленную К. Эгле. — В кн.: Puškina A. Kopoti raksti piecos sējumos. Rīga, 1979, V sēj., 623 — 767. lpp.

¹¹ См.: Бергман И. Я. Из истории латышско-русских литературных отношений: Русская проза в Латвии в 1880-е годы. Рига, 1979, с. 23—29.

«Великий русский поэт Пушкин уже давно озарил своим сиянием латышей. В то время, когда латыши начали знакомиться со многими высокохудожественными поэтическими сочинениями, они познакомились также и с сочинениями Пушкина <...> Каждый видный латышский переводчик, начиная с Кажоку Дависа и Матиса Каудзите, кончая Фр. Адамовичем и Райнисом, обращался также и к Пушкину», — писал в юбилейные дни видный демократически настроенный латышский критик Теодор Зейферт.¹²

«Имя Пушкина широко известно. Многие из произведений поэта переведены и опубликованы как в латышских газетах, так и отдельными книгами <...>. Это означает, что так же и латыши уважают поэзию Пушкина и охотно присоединяются в дни праздника к радости русского народа», — отмечалось в газете «Тевия».¹³

В связи с этим возникла необходимость подвести некоторые итоги процессу бытования пушкинских произведений в Латвии, о чем свидетельствует речь «Пушкин в латышской литературе» Я. Лаутенбаха-Юсминя, консервативно настроенного латышского литератора, произнесенная им на торжественном собрании в Юрьевском университете 26 мая 1899 года.¹⁴

Поэтому не удивительно, что подготовка к пушкинскому юбилею среди литературной общественности Латвии началась еще в 1898 году. Более чем за год до столетия со дня рождения поэта в мартовской, июньской, июльской книжках за 1898 год журнала «Маяс Виеса Менешракстс» был опубликован очерк Райниса «Александр Сергеевич Пушкин». Одновременно в журнале печатался и его перевод драмы Пушкина «Борис Годунов». Над переводом и очерком о Пушкине Райнис работал в ссылке в Псковской губернии, отбывая там срок наказания как видный деятель «Нового течения». Публикация очерка — первой серьезной статьи о Пушкине на латышском языке и первоклассного, до сей поры непревзойденного перевода драмы «Борис Годунов» явились крупным событием

¹² A. S. Puškina: Uz Puškina jubileju 26. maijā 1899. g. — Grām.: Jaunā Raža: III. Originalražojumi Teodora sakopojumā. Cesis, 1899. 199. lpp.

¹³ Tēvija, 1899., 2. jūnijā, Nr. 21.

¹⁴ Лаутенбах Я. Пушкин в латышской литературе: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Юрьевского университета 26 мая 1899. Юрьев, 1899.

в литературной жизни Латвии тех лет.¹⁵ Высоко оцененные современниками, они пропагандировались в латышской печати: в дни юбилея их настойчиво рекомендовал своим читателям латышский писатель Ян Порук¹⁶, в 1899 году очерк Райниса снова был перепечатан, на этот раз в газете «Диенас Лапа».¹⁷

Значение очерка Райниса и его перевода «Бориса Годунова» трудно переоценить. Их появление существенно изменило представление латышей о Пушкине, ознаменовав начало нового этапа в восприятии творчества великого русского поэта в Латвии. Поскольку пока не представляется возможным всесторонне осветить этот достаточно сложный вопрос, отметим лишь, что выступление Райниса несомненно оказало заметное влияние на всю юбилейную литературу о Пушкине, появившуюся на латышском языке. После очерка Райниса невозможно уже было писать о Пушкине, не упоминая о теснейших духовных связях поэта с передовой русской общественностью его времени — декабристами, выразителем прогрессивных идеалов которых поэт являлся, равно как нельзя было замалчивать и того, что Пушкин был зачинателем русской реалистической литературы, давшей миру таких блестящих мастеров слова, как Достоевский, Лев Толстой.

В том же 1898 году на страницах газеты «Маяс Виесис» другой латышский поэт Юлийс Диевкоциньш¹⁸ обратился к латышским писателям и книгоиздателям с предложением отметить память Пушкина изданием на латышском языке собрания сочинений поэта, «если не всех, то хотя бы лучших». «Другие народы, — писал Ю. Диевкоциньш, — также не столь многочисленные, как и латышский народ (например, финны), могут издавать сочинения лучших писателей, почему латышам этого не сделать?»¹⁹

¹⁵ См. об этом: Вавере В., Мацков Г. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965, с. 127—131; Бергман И. Я. К вопросу о восприятии творчества А. С. Пушкина в Латвии (Очерк Я. Райниса «Александр Пушкин»). — В кн.: Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки, 1974, т. 215. Пушкинский сборник, вып. 2, с. 87—115.

¹⁶ Poruks J. Aleksandrs Sergejevičs Puškins. — Mājas Viesā Mēnešraksts, 1899, Nr. 5, 397.—399. lpp.

¹⁷ Dienas Lapa, 19. maijā — 24. maijā, Nr. 110—113; 22. maijā, 23. maijā, Nr. 20, 21.

¹⁸ Как активный участник революции 1905 года Ю. Диевкоциньш был расстрелян царскими карательными войсками в 1906 году.

¹⁹ Latviešu rakstniekiem un grāmatu izdevējiem. — Mājas Viesis, 1899., 16. septembrī, Nr. 38.

Конечно, осуществление столь серьезного предприятия для Латвии 1890-х годов было явно преждевременным, если учитывать недостаточно еще высокий средний уровень переводческой техники. Тем не менее, именно к 1899 году относится первая попытка издания отдельной книгой избранных сочинений поэта. Таковой явилась книга «А. С. Пушкин. Его жизнь и деятельность, с образцами его поэтических произведений, переведенных многими нашими писателями. К пушкинскому юбилею 26 мая 1899 года».²⁰

Книга не велика по объему — всего 96 страниц небольшого формата, — и состоит она из довольно обстоятельного биографического очерка и 25 переводов произведений Пушкина. Поэтому «Избранными сочинениями» ее можно назвать, конечно, весьма условно, хотя по тому значению, которое она имела для латышского читателя конца 1890-х годов, книга эта не уступает, на наш взгляд, более солидным изданиям позднейшего времени. Как сборник сочинений поэта она не привлекала до сих пор к себе должного внимания исследователей, изучавших рецепцию творчества Пушкина в Латвии²¹, в составленной же К. Эгле библиографии латышской пушкинианы²², она оказалась занесенной лишь в раздел литературы о Пушкине, что представляется явным недоразумением.

Между тем современниками книга была воспринята главным образом как издание избранных произведений поэта. «Юбилейным изданием избранных сочинений Пушкина» называл книгу Я. Лаутенбах-Юсминь в своей речи на торжественном собрании Юрьевского университета.²³ С одобрением встретил выход книги в свет Теодор Зейферт, обративший в своей рецензии внимание исключительно на выбор пушкинских произведений, помещенных в сборнике. Он отмечал, что составители книги представили не только новые произведения поэта, но и те, которые уже «внедрились в духовную жизнь латышей».²⁴

---

²⁰ A. S. Puškina: Viņa dzīve un darbi ar viņa dzejisko ražojumu paraugiem, pārlatviskotiem no vairākiem mūsu rakstniekiem. Uz Puškina jubileju 26. maijā 1899. Rīga, Rīgas Latv. Biedr. Der. Gr. Nod., 1899.

²¹ См. краткую характеристику содержания сборника в кн.: Вавере В. и Мацков Г. Латышско-русские литературные связи, с. 132.

²² Puškina A. Kopoti raksti piecos sējumos. V sēj., 686. lpp.

²³ Лаутенбах Я. Пушкин в латышской литературе, с. 7.

²⁴ Jauna Raža: III. Cēsis, 1899, 199. lpp.

«Это прекрасная память, — писал он в рецензии, — На немногих листах много поэтических жемчужин великого поэта. Эта книга может быть нам полезна для углубления представлений о поэзии».²⁵

В самом деле, выбор произведений Пушкина, помещенных в сборнике, представляется весьма удачным. В него вошли три драматических произведения — «Русалка», «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери», отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин», семнадцать лирических стихотворений поэта и четыре эпиграммы. Таким образом составителям удалось продемонстрировать не только широту и многогранность интересов поэта, но и жанровый универсализм его творчества. Соседство же таких разных по метрико-ритмической структуре произведений Пушкина, как роман в стихах «Евгений Онегин», стихотворения «Вновь я посетил...», «Юноша! Скромно пируй, и шумную Вакхову влагу» и т. д., позволяло читателю получить наглядное представление о богатстве форм поэтического языка великого поэта.

Наряду с признанными переводами «Русалки» Кажоку Дависа (1877) и «Утопленника» Е. Яншевского (1885), в книге были помещены и новые переводы ранее переводившихся и известных уже латышскому читателю произведений поэта («Бесы», «Зимний вечер», «Ворон к ворону летит», «Птичка Божия не знает», «Кто, волны, вас остановил» и др.).

Но главным достоинством этого издания было, разумеется, то, что книга знакомила латышскую публику с целым рядом произведений поэта, впервые зазвучавших на латышском языке. Прежде всего это отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин», уже неоднократно упоминавшегося на страницах латышской печати: «Характеристика Онегина», включающая часть IV, V, VIII, X, XI строфы первой главы романа, «Характеристика Ольги» (строфа XXIII второй главы), «Характеристика Татьяны» (XXV, XXVI, XXVIII, XXIX строфы второй главы), «Письмо Татьяны к Онегину», «Сон Татьяны» (XI—XXI строфы пятой главы) в переводе Ф. Адамовича. В его же переводе в сборник были включены две маленькие трагедии «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», а также несколько эпиграмм и ряд лирических стихотворений Пушкина, из которых прежде всего следует назвать «Анчар», «Вновь я посетил...», «Няне», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»,

---

²⁵ Там же.

«Пророк». Показательно, что все перечисленные стихотворения — шедевры лирического творчества поэта.

Вообще выбор переводов лирических произведений для сборника очень удачен. Он впервые давал возможность латышскому читателю увидеть многогранность лирического таланта Пушкина, оценить его лучшие стороны, и, следовательно, правильно понять поэта. Так, переводы стихотворений «Няне», «Зимний вечер», «Утопленник», как, впрочем, и «Сон Татьяны» из романа «Евгений Онегин», демонстрировали Пушкина как поэта, сумевшего глубоко постичь и органично выразить дух русского народного творчества. Эта сторона поэтического таланта Пушкина уже давно привлекала внимание литературной общественности Латвии, благодаря чему латышский читатель уже с 70-х — 80-х годов XIX века познакомившийся в общих чертах с биографией поэта, более всего был наслышан о его живом интересе к русскому фольклору и о няне поэта, замечательной сказительнице, приобщившей поэта к живым родникам национальной поэзии. В особенности много писали об этом в материалах, посвященных Пушкину, в 1880-е годы, в пору расцвета в латышской литературе так называемого народного романтизма.²⁶

Знакома была латышская публика также и с некоторыми пушкинскими произведениями лирико-философского характера. Наряду с такими простыми и доступными для понимания широкой аудитории поэтическими выражениями человеческого мудрости, каковым являлось, например, стихотворение «Если жизнь тебя обманет», неоднократно переведившееся в Латвии, латышскому читателю были известны также переводы «Воспоминания» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Дар напрасный, дар случайный», в которых философский смысл и большое общечеловеческое содержание органично сочеталось с глубокой передачей конкретного сиюминутного человеческого чувства. Однако помещенные в сборнике переводы вершин пушкинской философской лирики «Вновь я посетил», «Анчар», «Пророк», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» впервые наиболее полно раскрывали в Пушкине автора глубочайших по мысли и разнообразных по форме философских произведений, несущих в себе и огромное общественно-политическое со-

²⁶ См.: Бергман И. Я. Из истории латышско-русских литературных отношений: Русская проза в Латвии в 1880-е годы, с. 21—29.

держание. Крайне важным представляется то, что благодаря переводу этих произведений Пушкин впервые в Латвии предстал и как поэт-гражданин, гениальный выразитель прогрессивных идей своего времени, приветствовавший вечное обновление жизни.

В противовес официальному характеру пушкинского юбилея со страниц сборника зазвучал на латышском языке голос Пушкина — борца против тирании, певца свободы.

Nāc auka, posta dambi ārdī!
Dzēn bangas līdz pat dibējiem!
Šurp, brīvestības pērkon! dārdī
Par kalpinātiem ūdeņiem!

(пер. Ф. Адамовича.)

Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ <свободы>?
Промчись поверх невольных вод (II, 288).

Не исключено, что это последнее четверостишие пушкинского стихотворения «Кто, волны, вас остановил» в контексте таких стихотворений, как «Анчар», «Пророк», могло быть воспринято читателем как призыв к революции. Условия назревавшей в Латвии, как и в России в целом, революционной ситуации несомненно способствовали этому.

Сборник отличается довольно высоким для того времени уровнем перевода, что было отмечено и в рецензиях критиков-современников. Переводы отрывка из «Цыган» («Птичка Божия не знает») и «Испанского романса» принадлежали талантливому латышскому поэту В. Плудонису; ряд произведений, как уже отмечалось, были весьма удачно переведены Фрицисом Адамовичем, прославившимся к тому времени своими мастерскими переводами басен И. А. Крылова и трагедий Шекспира.

В сборнике был помещен также и биографический очерк о поэте, написанный Петерисом Диевкоцинем, братом упоминавшегося поэта Юлиа Диевкоциньша, педагогом по профессии. Он окончил Петербургский учительский институт и преподавал в 1890-х годов в городской школе г. Бауска. Очерк П. Диевкоциньша содержит довольно обстоятельный пересказ главных фактов жизни Пушкина, правда, с явно выраженной либеральной тенденцией. Автор был, по-видимому, довольно хорошо знаком с современной ему русской исследовательской

литературой о Пушкине. Кроме упоминаемых в очерке работы Н. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», и воспоминаний А. Н. Вульфа о поэте, П. Диевкоциньшу, по всей вероятности, были известны также биографические работы о Пушкине В. Я. Стоюнина и В. П. Авенариуса. Очерк не лишен определенных достоинств. Строго придерживаясь принятой в это время периодизации, автор сообщал своим читателям немало новых интересных сведений о жизни Пушкина, в особенности о юности поэта: пребывании в Царскосельском лицее, литературной жизни начала века, в частности, о полемике о «старом и новом слоге русского языка», литературных обществах. П. Диевкоциньш подробно осветил и жизнь поэта в Михайловском в 1824—1825 годах, его дружбу с обитателями усадьбы Тригорское. Рассказал он и о друзьях поэта, которые навещали Пушкина в ссылке, упомянув не только А. А. Дельвига, П. И. Пущина и кн. А. М. Горчакова, но и К. Ф. Рыльева и В. К. Кюхельбекера, приезда которых, по словам автора, «Пушкин ожидал». П. Диевкоциньш несомненно был знаком и с очерком Райниса о Пушкине. Влияние взглядов латышского поэта чувствуется, например, в трактовке вопроса о байронизме Пушкина. П. Диевкоциньш следует за Райнисом и в отношении к историческим трудам поэта, считая их сочинениями слабыми, не соответствующими пушкинскому гению. В очерке П. Диевкоциньша, разумеется, упоминается и о связи поэта с декабристами. Однако, в отличие от Райниса, влияние прогрессивной декабристской идеологии на Пушкина интерпретируется им с либеральных позиций. Например, в освещении жизни Пушкина в 1830-е годы П. Диевкоциньш, раскрывая драму поэта, задыхавшегося в атмосфере недоверия и преследований со стороны «низших органов власти», вместе с тем поддерживал легенду о добром царе. Завершался же биографический очерк повторением широко распространенной легенды о примирении поэта с самодержавием.

Таким образом, биография Пушкина, написанная П. Диевкоциньшем, не представляет собой, в отличие от очерка Райниса, заметного явления. Кстати, она и не привлекла к себе внимания рецензентов сборника, хотя книга в целом, в особенности переводы сочинений Пушкина, заслужили их высокую оценку.

Кроме рассмотренного сборника, источником знакомства латышского читателя с вошедшими в него переводами произведений поэта были также газеты и журналы. Так, «Анчар»

в переводе Ф. Адамовича был напечатан в журнале «Маяс Внеса Меспшракстс». «Зимний вечер», «Няне», «Кто, волны, вас оставил», «Вновь я посетил...» в его же переводе были опубликованы в журнале «Ауструмс». Кроме того, появилось еще два перевода «Памятника» А. С. Пушкина. Один был осуществлен В. Плудонисом и появился на страницах журнала «Маяс Внеса Менешракстс», другой — принадлежал замечательному мастеру художественного слова Р. Блауманису и был напечатан в газетах «Диенас Лапа» и «Маяс Внесис». Помимо переводов драматических и лирических произведений поэта, в юбилейные дни появился новый перевод самого крупного прозаического произведения Пушкина «Капитанская дочка», осуществленный А. Ниедра.

Итак, рассмотренные выше факты: подготовка к юбилею, начавшаяся в Латвии за год до юбилейной даты, участие в подготовке к нему прогрессивных литературных деятелей Латвии, в первую очередь, ссыльного новотеченца Райнса, появление в печати новых переводов значительных произведений Пушкина, осуществленных замечательными мастерами художественного перевода, выход в свет первого сборника сочинений поэта на латышском языке, наконец, многолюдность юбилейных торжеств, — все это убеждает в том, что празднование столетия со дня рождения А. С. Пушкина в Латвии вышло за рамки официальных предначертаний и стало выражением искренних чувств уважения и симпатий латышского народа к творчеству великого русского поэта.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983